

В глазах Чжун Мина вспыхнуло что-то глубокое, почти болезненное, словно сама душа его раскрылась на мгновение, обнажив шрамы, вырезанные временем и судьбой. В этом немом взгляде было столько боли, тоски, и памяти о том, что нельзя вернуть. И всё это отразилось в зрачках Цзян Синчжи, будто он случайно заглянул в чужое прошлое.

Ресницы Цзян Синчжи дрогнули. Он хотел пошутить, бросить лёгкое слово, чтобы разрядить напряжение, но теперь понял, что коснулся не просто воспоминания, живого нерва. Того, что кровоточит до сих пор.

«И не могу заснуть всю ночь»...

Он мысленно присвистнул. Что же это за вражда, если даже сейчас, в этой тихой комнате, при свете свечи, она заставляет сердце сжиматься? Какое преступление, какая потеря, какая предательская рана может так долго не заживать?

На мгновение он задумался, потом мягко, почти серьёзно сказал:

— Прошлое всегда остаётся позади. А завтрашний день всё равно придёт.

— .....

Эта фраза повисла в воздухе, как чаша водянистого ночного куриного супа, вылитого прямо в пламя свечи. Свет стал тусклее, будто кто-то силой придушил половину огонька. Даже тени на стенах замерли, словно стыдясь такой сентиментальности.

Чжун Мин помолчал. Потом, будто бы нарочно сменив тему, спросил:

— Ещё читаешь книгу?

— Уже нет, — ответил Цзян Синчжи, закрывая обложку. — Завтра надо вставать пораньше.

Не успел он договорить, как Чжун Мин внезапно щёлкнул пальцами и свеча погасла. В комнате остался лишь тонкий холодный и прозрачный, как вода лунный свет, пробивающийся сквозь резные ставни. Цзян Синчжи поднял глаза. В полумраке лицо Чжун Мина оказалось в тени, опущенные веки скрывали выражение, но по напряжённой линии скул было ясно, что он где-то далеко.

Цзян Синчжи устроился под одеялом, стараясь казаться беззаботным:

— Может, найдёте себе место, чтобы прилечь?

— .....

Тишина повисла над комнатой. И вдруг он почувствовал на себе тяжелый и изучающий взгляд, падающий сверху. Голос Чжун Мина прозвучал чуть выше, с едва уловимым изгибом насмешки:

— Найти место?

Сердце Цзян Синчжи дрогнуло. Он машинально ощупал руками единственную кровать ... ту, на которой лежал. Пространства хватало для двоих, но... Он платил за комнату. Он первым занял постель. Не может же он сам уйти? Да и приглашать другого мужчину разделить с ним ложе, особенно такого, как Чжун Мин, казалось странным. Неправильным. Особенно после всего, что между ними уже произошло.

Он оглядел комнату. За ширмой стояла большая деревянная ванна. Мысль пришла сама собой.

— А ванна за ширмой... — начал он неуверенно. — Она ведь большая. Думаю, поместится.

— .....

Раздался тихий скрип и кровать распрямилась, когда Чжун Мин поднялся. Он отошёл, сел за стол, спиной к лунному свету. Голос его стал ровным, почти холодным:

— Спи.

Цзян Синчжи уже собирался что-то добавить, но заметил, как дрогнул висок у собеседника, давая понять, что его терпение на исходе.

— Ложись спать. — Тихо но твердо повторил Чжун Мин А — Если ещё хоть слово скажешь, то сделаю вид, будто ты бредишь во сне.

Под одеялом тело слегка передвинулось. Цзян Синчжи прикрыл глаза, стараясь дышать ровно. Но в темноте, за закрытыми веками, он чувствовал, что тот всё ещё сидит. Смотрит. Ждёт. И, может быть, тоже не сможет заснуть всю ночь.

***

На следующее утро сквозь щели резных ставней пробивался тусклый свет раннего рассвета. Свеча на столе давно догорела, оставив после себя лишь чёрный фитиль и лужицу застывшего воска.

В объятиях Цзян Синчжи магический артефакт всё ещё излучал тепло, словно маленькое солнце, спрятанное под одеялом. Он осторожно встал, собираясь вернуть его на стол, как вещь, предназначенную не для него одного.

Чжун Мин сидел на том же месте, где остался прошлой ночью - неподвижный, с закрытыми глазами, погружённый в медитацию. Казалось, будто время вокруг него замерло: ни дыхания, ни движения, только силуэт, вырезанный изо льда и тени.

Цзян Синчжи аккуратно поставил артефакт на стол, надел верхний халат и сделал шаг к двери.

В этот момент Чжун Мин открыл глаза.

— Куда ты идёшь? — Голос его прозвучал ровно, без вопроса, но с лёгкой интонацией, будто он уже знал ответ.

— На рыбалку, — ответил Цзян Синчжи, не оборачиваясь. Семья Шан уже должна была прийти в себя. Три культиватора, должны были уже очнуться, а значит, пора действовать.

Чжун Мин молча убрал артефакт в свою сумку-хранитель, и плавно встал, будто каждый жест был частью древнего ритуала.

— Пошли.

Движение Цзян Синчжи замерло. Он обернулся.

Тот шёл за ним так естественно, будто они заранее договорились, будто их путь уже был определён ещё до того, как он открыл глаза. Ни слова спора, ни намёка на колебание. Просто «пошли».

— Господин, — сказал Цзян Синчжи, стараясь говорить мягко, но твёрдо, — вам не обязательно ввязываться в это.

Но прежде чем он успел закончить, Чжун Мин уже шагнул вперёд, протянул руку мимо его плеча и открыл дверь. В этот миг его тело оказалось близко ... слишком близко. Тепло его дыхания коснулось уха Цзян Синчжи, лёгкое, как шёпот, но вызвавшее странную дрожь вдоль шеи.

Он инстинктивно дернулся, начал поворачиваться и тут же заметил в уголке зрения движение.

В коридоре стоял слуга, который нес высокий поднос с чистыми полотенцами. Его взгляд был застывшим. Глаза - широко раскрыты. Рот - чуть приоткрыт.

В его глазах застыла картина, как два мужчины, один из которых прижался со спины к другому, пока открывает дверь ... И всё это ... в одной комнате, после ночи, проведённой вместе.

Разве для простого открывания двери нужно становиться так близко?

Прошла долгая секунда. Слуга медленно закрыл рот, слегка поклонился и быстро, почти бегом, исчез за поворотом. Только шуршание его шагов эхом отозвалось в пустом коридоре.

Ах, времена нынче какие пошли... Хех, молодёжь...

Когда его фигура исчезла, Цзян Синчжи почувствовал, как в горле встал ком.

— Он, наверное, сейчас что-то очень... интересное себе вообразил.

Чжун Мин рассмеялся. Не громко. Но в этом смешке было что-то тёплое и довольное, будто он получил нечто большее, чем просто возможность провести с ним день.

— Зато теперь точно не подумают, что мы скупы, — сказал он, выходя в коридор. — Всё-таки заплатили за одну комнату. А живём... как будто так и надо.

Цзян Синчжи: ...

Да... в этом была своя логика. И, пожалуй, даже справедливость.

***

За пределами постоянного двора «Юньчоу» было тихо и пустынно.

Кроме тех, кто встал с первыми петухами, на улице были только торговцы, которые разворачивали свои прилавки, раскладывая лотки с горячей едой, сладостями, травами. Воздух ещё хранил прохладу ночи, а небо на востоке медленно розовело, будто дышало зарёй.

Улицы Сюньяна пересекались чёткой сеткой, как строки в древнем свитке. Каждую третью улицу патрулировали слуги в коротких халатах, чьи пояса были украшены медными бляхами с выгравированным иероглифом «Шан». Их шаги звучали уверенно, взгляды настороженно сновали по лицам прохожих. Город был на взводе.

Цзян Синчжи шёл открыто, не скрываясь. Половина улицы осталась позади и уже через мгновение он почувствовал, что за ним следят. Несколько пар глаз из переулков впились ему в спину, а один человек бросился вперёд чтобы доложить.

Цзян Синчжи , мысленно ухмыльнулся, и решил, что прежде, чем подоспеет подкрепление, он еще успеет перекусить. Он остановился у лотка с завтраками и купил паровой пирожок.

Тот был горячим, мягким, пропитанным сладким бамбуковым соком. Цзян Синчжи держал его в ладонях, как нечто хрупкое, и откусывал понемногу. Щёки порозовели от тепла, от удовольствия и утреннего света. Он застыл посреди улицы, словно сам стал частью рассвета , такой же яркий, живой и беззаботный.

Скрытые наблюдатели из семьи Шан сглотнули. Один даже машинально потянулся к своему пирожку, но тут же опомнился.

Чжун Мин бросил на него взгляд. Опять начинаешь...

— У тебя крошка, — сказал он спокойно, глядя на маленький кусочек теста, застрявший в уголке губ Цзян Синчжи.

И прежде чем тот успел отреагировать, горячий язык быстро, почти невесомо коснулся кожи. Ловко собрав крошку.

— Эй! — Цзян Синчжи инстинктивно отпрянул, щурясь, как напуганный кот. — Не надо! Мы два взрослых мужчины - что за непристойности!

— .....

В этот момент, когда последний кусочек пирожка исчез, словно гром среди ясного неба , холодное утро разорвал резкий окрик.

— Вы двое! Как вы смеее так спокойно гулять по городу после того, как напали на наших людей?! Это, должно быть, шутка? Или вы издеваетесь?!

Цзян Синчжи поднял глаза.

Семеро культиваторов окружили их полукругом. Пятеро находились на стадии Основания, двое на стадии Золотого Ядра. Все с обнажёнными длинными мечами, лезвия направлены прямо ему в шею. Холодная сталь блестела в утреннем свете.

Прохожие и торговцы не поняли, что происходит. Но увидев двух мастеров Золотого Ядра в одной группе , сразу сообразили, что дело серьёзное.

Мгновенно все разбежались, будто испуганные птицы.

Рука Чжун Мина, до этого расслаблено висевшая вдоль тела, начала медленно подниматься. Движение было плавным, как начало бури. Но вдруг другая рука, легла сверху и мягко, но решительно прижала её вниз.

Он замер. Посмотрел на Цзян Синчжи. Тот чуть заметно покачал головой.

— Чем могу помочь? — спросил Цзян Синчжи, вытирая ладони о край халата.

Говоривший ранее, один из двух сильнейших, культиватор Ху Линь резко дёрнул кончиком меча. Холодный блеск проскользнул по воздуху.

— Сегодня утром наши люди опознали вас. Советую вам добровольно пойти с нами. Глава семьи хочет вас видеть.

— Видеть? — повторил Цзян Синчжи, задумчиво растягивая слово. — Интересный выбор выражения.

Два мастера Золотого Ядра переглянулись. Больше ждать не стали.

— Атакуйте! — приказал Ху Линь.

Семеро одновременно рванулись вперёд. Хотя противников было всего двое, они не позволяли себе ошибки и атаковали в полную силу.

Бум!

Улица вздрогнула. Ровная брусчатка треснула по швам, камни взлетели в воздух, будто подбитые взрывом. Волны духовной энергии расходились кругами, но в следующее мгновение всё будто натыкалось на невидимую стену. Семеро нападавших словно врезались в воздух, и с глухими стонами отлетели назад, потеряв равновесие, как снопы скошенной травы.

Их удары, их ци, их клинки - всё исчезло, будто провалилось в бездонную пучину.

Два человека посреди улицы даже не шелохнулись. Только одежда колыхнулась от всплеска энергии и снова затихла.

Ху Линь с трудом выпрямился, дыхание сбилось, сердце бешено колотилось. Он едва верил своим глазам. Но, собравшись, выхватил из пояса Плетёнку Духовных Уз — магический артефакт уровня Сюань среднего качества. Обычно её могли разорвать лишь те, кто достиг стадии Зарождения Души.

Раздался свист, и плетёнка взвилась в воздух, как золотая змея, стремительно метнулась к Цзян Синчжи.

Тот лишь слегка поднял руку.

Перед немигающими глазами семерых культиваторов артефакт, способный связать даже мастера Зарождения Души, рассыпался в пыль прямо в воздухе. Без звука. Без вспышки. Просто... исчез.

Улица замерла.

Тишина стала плотной, как вода.

Мастер выше стадии Зарождения Души... здесь? В Сюньяне?

Ветер пробежал по серо-белой брусчатке, поднимая облачка пыли. Где-то вдалеке ещё витал сладковатый аромат парового пирожка.

Под давлением невидимой силы ноги культиваторов стадии Основания задрожали, как осиновые листья. Ху Линь стоял, сжав зубы, пытаясь удержать остатки достоинства. Рот его открывался и закрывался, но он так не мог выдавить из себя и звука.

А в этой напряжённой, почти священной тишине Цзян Синчжи вдруг улыбнулся.

Щёки у него всё ещё были румяны от еды. Взгляд - мягкий, почти добродушный.

— Так это, — спросил он тихо, — «хочет видеть» ... Или всё-таки «пожалуйста, не хотите ли вы удостоить нас визитом»?

Ломбарды семьи Шан раскинулись по всему Цзючжоу от заснеженных северных пределов до южных дождевых лесов. Говорили, что где бы ни ступила нога путника, в десяти ли от него обязательно найдётся вывеска с иероглифом «Шан». Благодаря этому они получили прозвище «самой богатой семьи в Цзючжоу». Их влияние простиралось повсюду: филиалы в каждом городе, склады у каждого порта, а главный родовой дом располагался в Цзючжоу в тысяче ли от Сюньяна.

Цзючжоу отличался от Сюньяна. Здесь высокие стены опоясывали город, как кольцо императорской печати. Вокруг раскинулись широкие рвы с тихо текущей водой, отражающей облака. Башни возвышались повсюду, словно стражи древних времён. Рынки кипели, улицы гудели, а центральные проспекты оценивались не в монетах, а в крови и поте тех, кто пытался заполучить здесь участок. Именно среди этих золотых улиц, где каждый камень помнил имя сильного, стоял величественный родовой особняк семьи Шан - дворец в миниатюре, с павильонами, прудами и садами, спрятанными за высокими стенами.

Когда Цзян Синчжи и Чжун Мин прибыли в Цючжоу под конвоем, уже был полдень. Эскорт состоял в основном из культиваторов стадии Основания, потому двигались медленно, без полёта и без спешки. Но теперь всё было иначе.

Отношение Ху Лина и его людей переменялось кардинально.

Едва они переступили порог города, у ворот их уже ждала роскошная карета. Чёрные кони с блестящей шкурой стояли неподвижно, будто вырезанные из ночи. Изнутри веял тонкий аромат сандала и свежих цветов, как знак высочайшего почтения.

Ху Линь почтительно шагнул вперёд:

— Это карета, которую подготовил для вас двоих да-жэнь глава семьи. Ранее я ошибся, допустил конфликт... прошу простить мою дерзость.

Торговцы всегда умели читать ветер. Их покорность была естественной как дым, следующий за огнём.

Цзян Синчжи видел, как легко Ху Линь взял вину на себя, и не стал отказываться от этого жеста доброй воли:

— Благодарю за хлопоты.

Он направился к карете. Слуга подросток поспешил вперёд чтобы помочь ступить на подножку.

Но прежде чем тот успел приблизиться, как в воздухе мелькнула тень.

Чёрный силуэт, молча шедший рядом с Цзян Синчжи всё это время, оказался между ними. Чжун Мин встал как стена.

Он, не грубо, но с такой уверенностью, будто делал это всю жизнь, схватил Цзян Синчжи за руку. Ладонь легла под локоть, пальцы сомкнулись и одним движением, плавным, как течение воды, поднял его в карету.

Цзян Синчжи: .....

Он даже не успел удивиться.

Занавес опустился. Изнутри раздался глубокий голос:

— Едем.

Чёрные кони тронулись. Копыта мягко стучали по брусчатке из голубого камня, колёса катились ровно, как судьба, уже решённая заранее.

Внутри кареты Цзян Синчжи опустил взгляд на своё предплечье. На коже ещё ощущался сильный, почти собственнический след от пальцев.

— Повезло, что я взрослый мужчина, — сказал он, не глядя на Чжун Мина. — Если бы ты так схватил молодую девушку, то сломал бы ей мышцы и вывихнул плечо.

Чжун Мин откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза:

— Не сломал бы.

Цзян Синчжи задумался. Потом тихо добавил:

— Да, пожалуй... с молодыми девушками ты, наверное, был бы куда нежнее.

Тишина повисла между ними. Только стук копыт да лёгкое покачивание кареты.

Чжун Мин не ответил. Но уголки его губ чуть дрогнули, будто впервые за долгое время он вспомнил что-то далёкое и прекрасное...или просто представил.

<http://bllate.org/book/15487/1373245>